

Глава 21. Ложная тревога

Как и следовало ожидать, Цзя Баоюй не посмел перечить воле Матриарха, так что на следующий день в дорогу отправился один лишь Цзя Лянь.

Госпожа Ван давно уже заглядывалась на изящный фарфор и драгоценную утварь, что семейство Линь привезло с собой в столицу. Руки у неё так и чесались прибрать всё это к себе, да приличия не позволяли. Она надеялась, что после поспешного отъезда Линь Лан оставит хотя бы часть убранства — этого с лихвой хватило бы, чтобы покрыть её недавние убытки. Каково же было её разочарование и досада, когда выяснилось, что Линь Лан увёз всё до последнего черепка!

В душе госпожа Ван исходила желчью, мысленно костеря юношу за мелочность и крохоборство. Но поделаться ничего не могла: обоз уже скрылся в дорожной пыли.

В пути не теряли ни минуты. Лодки делали лишь самые краткие остановки у почтовых станций, чтобы пополнить запасы провизии, и тут же устремлялись дальше на юг, к Гусу. За полмесяца речного пути Линь Лан окончательно успокоился. Тревога отступила, и у него даже нашлись силы, чтобы подбодрить сестру, истомлённую долгой дорогой.

Перед отъездом учитель Линъюнь-цзы напутствовал его так спокойно, будто заранее знал, что ученик не успеет вовремя сдать работы. Да и намёки самого Императора на то, что отец непременно занеможет и позовёт детей домой, наводили на размышления.

«Отец, скорее всего, в полной безопасности, — рассудил Линь Лан. — Наверняка он затеял какую-то сложную игру, расставил силки и теперь притворяется смертельно больным, чтобы усыпить бдительность врагов. А наше поспешное возвращение — лишь часть его замысла»

«К тому же, случись несчастье на самом деле, письмо отправили бы мне, а не сестрице. Дайюй — хрупкая девушка, выросшая в покое внутренних покоев, она ничего не смыслит в делах. Завещание и распоряжения отец адресовал бы единственному сыну»

Эти мысли принесли облегчение, но Линь Лан не спешил выдавать себя. На людях он сохранял скорбную мину, из каюты почти не выходил, общаясь лишь с сестрой, и совершенно не интересовался тем, как проводит время Цзя Лянь.

Спустя ещё десять дней, когда до Гусу оставалось рукой подать, Линь Лан решил навестить двоюродного брата.

Цзя Лянь с самого утра мерил шагами палубу своего судна. Завидев гостя, он поспешно шагнул навстречу и увлёк его в каюту. Линь Лан церемоний разводить не стал. Хозяин велел слугам подать чай и жестом приказал всем удалиться.

Линь Лан пришёл не один — у дверей каюты остались Хэжу и Линь Янь, готовые пресечь любые попытки подслушать разговор.

Заметив это, Цзя Лянь натянуто улыбнулся:

— К чему такие предосторожности, братец?

— Вы человек проницательный, — мягко усмехнулся Линь Лан, пригубив чай. — И наверняка понимаете, зачем я пришёл.

«Дело дрянь, — пронеслось в голове Цзя Ляня. — Неужто явился требовать должок? И дёрнул же меня чёрт связать себя обещанием! Откупился бы серебром — и забот бы не знал»

Спрятав досаду за любезной маской, он проговорил:

— За эти дни твоя невестка Сифэн извелась от забот. Да и тогда, в столице, мы обо всём договаривались в такой спешке...

После того разговора Сифэн действительно сложила с себя часть забот по дому и не отходила от Дайюй, не позволяя Баоюю приближаться к ней. Именно поэтому Линь Лан не торопился подыскивать для сестры строгую няньку-кормилицу.

— По совести говоря, я мало чем помог вам, тогда как невестка действительно оказала мне неоценимую услугу, — спокойно ответил Линь Лан. — И я не стал бы докучать вам понапрасну, если бы не один вопрос. Скажите, братец, с каким именно поручением старшие отправили вас в эту поездку?

Цзя Лянь понял, что утаивать очевидное бессмысленно, и вздохнул:

— Не обессудь, братец. Я лишь послушный потомок, разве волен я перечить воле старших в роду?

— Я не ищу ссоры, — улыбка Линь Лана стала холоднее. — Но хочу, чтобы мы поняли друг друга без недомолвок. Даже если в нашем доме случится несчастье... неужели вы всерьёз полагаете, будто сумеете пожить за мой счёт?

Цзя Лянь вспыхнул от досады и стыда.

— На что ты намекаешь? — недовольно буркнул он.

— Ни на что, — Линь Лан поднялся из-за стола. — Лишь дружески предупреждаю: берегитесь,

как бы в погоне за чужим добром не лишиться своего. К тем, кто зарится на моё достояние, я жалости не ведаю. Час поздний, мне пора. Поразмыслите над моими словами, братец. Не совершайте ошибок, о которых потом придётся горько жалеть.

Не дожидаясь ответа, Линь Лан вышел вон. Стоило двери захлопнуться, как из каюты донёлся звон разбиваемого фарфора — взбешённый Цзя Лянь швырнул чашку на пол и тяжело задышал.

Линь Лан лишь усмехнулся на ходу.

— Хороший был фарфор, жалко, — не оборачиваясь, пробормотал он.

Спустя сутки лодки наконец причалили у пристани Гусу. На берегу их уже встречали доверенные люди из поместья Линь, а силачи из союза лодочников споро принялись разгружать добро. Не задерживаясь у реки, путники сразу направились в родную усадьбу.

Едва переступив порог, Линь Лан увлёк сестру в покои отца. Цзя Лянь шёл следом, вытягивая шею от любопытства.

Линь Жухай полулежал на ложе. Лицо его было серым, дыхание — слабым; казалось, жизненные силы почти покинули его тело. Перед отъездом Линь Лан помнил отца крепким, деятельным мужчиной, а теперь перед ним лежал измождённый старик, которому на вид можно было дать все шестьдесят!

Сердце Линь Лана сжалось, былая уверенность в притворстве отца мгновенно испарилась. Дайюй с рыданиями бросилась к постели:

— Отец! Ваша дочь вернулась слишком поздно!

Линь Жухай слабо улыбнулся и дрожащей рукой погладил дочь по голове.

— Не поздно, дитя моё... Три года мы не виделись, как же выросла моя Юй-эр. Хорошо... Вот и славно.

Линь Лан застыл в оцепенении. Разум отказывался верить глазам. Он ведь до последнего надеялся, что это лишь хитроумный маневр, игра на публику, но то, что он видел сейчас...

Слёзы обожгли глаза. Заметив сына, застывшего у порога с растерянным и скорбным лицом, Линь Жухай тихонько проворчал:

— Что за поминальное лицо? Твой отец ещё жив! А ну подойти ближе, дай взглянуть на тебя.

Сделав несколько неверных шагов, Линь Лан опустился на колени у изголовья постели. Отец коснулся его волос и негромко рассмеялся:

— Вытянулся как... только исхудал совсем.

Тут уж юноша не сдержался — горячие слёзы покатались по его щекам.

Линь Жухай со вздохом утер слезу с лица сына:

— Ну полно, полно. Мужчине не пристало плакать. Слезами горю не поможешь.

Линь Лан лишь крепко сжал челюсти, силясь совладать со всхлипами.

Переведя взгляд на стоявшего поодаль гостя, хозяин дома негромко произнёс:

— Ты ведь Лянь-эр? Спасибо, что уберёг моих детей в дороге. Ступай, отдохни с пути... Кха-кха... Твой дядя слаб и не может оказать тебе должного приёма. Располагайся в нашем доме как у себя.

Убедившись, что Господин Линь действительно дышит на ладан, Цзя Лянь мысленно возликовал. Почтительно поклонившись, он последовал за главным управляющим Линь Цзюэ, который увёл его в гостевые покои.

Линь Жухай ещё немного поговорил с дочерью, но, заметив её бледность и крайнюю усталость, велел служанкам увести барышню отдыхать.

Как только за Дайюй закрылась дверь, умирающий старик вдруг легко выпрямился, уселся на постели и весело подмигнул сыну:

— Ну и ну! Глупый ты мальчишка. Неужто всерьёз поверил, будто твой отец так просто отдаст концы?

Поняв, что его безжалостно разыграли, Линь Лан вспыхнул от гнева:

— Вы не прислали мне ни единой строчки с предупреждением! Встретили нас с таким лицом, будто стоите одной ногой в могиле! И после этого у вас хватает совести подшучивать надо мной?!

Видя, как сильно испугался сын, Линь Жухай смягчился. Он притянул юношу к себе, заставив присесть на край постели, и примирительно проговорил:

— Ладно, ладно, каюсь. Вина моя — следовало предупредить тебя заранее, чтобы ты зря не убивался.

Линь Лан и сам понимал: знай он правду, не сыграл бы сцену у ложа так искренне, и тогда соглядатаи почуяли бы неладное. Но, всё ещё смущённый своими слезами, он буркнул:

— Раз уж признаёте вину, так и быть, прощаю. Но чтобы это было в последний раз! Жизнью и смертью шутить не смейте.

Линь Жухай послушно закивал.

— Что всё-таки происходит? — спросил Линь Лан, понизив голос.

Отец загадочно улыбнулся:

— Ничего из ряда вон выходящего. Просто насаживаю на крючок жирную наживку. Пора закидывать сети.

— Значит, скоро финал? — уточнил юноша.

Старший Линь молча кивнул.

— В таком случае мне лучше не показываться лишний раз на людях, — Линь Лан поднялся. — Отдыхайте, отец. Я навещу вас позже.

Линь Жухай лишь с улыбкой покачал головой вслед сыну. Выйдя в коридор, Линь Лан тотчас велел передать главному управляющему, чтобы тот зашёл к нему в комнату.

В его покоях служанка Хэцзя принимала дорожные сундуки.

— Молодой господин, прикажете разобрать вещи?

— Да, займись этим, — бросил он на ходу.

Другая служанка, Хэхуань, уже приготовила горячую воду для омовения. Линь Лан быстро смыл с себя дорожную пыль и переоделся. Когда он вышел из купальни, управляющий Линь Цзюэ уже ждал его. Юноша жестом пригласил его в кабинет, запер дверь на засов и велел Хэжу нести стражу у порога, никого не подпуская близко.

— Что с отцом? — без обиняков спросил Линь Лан.

— Докладываю молодому господину, — вполголоса ответил управляющий. — Хозяина отравили. Злодея уже вычислили — это оказался лазутчик, подосланный семейством Лю. Сейчас он под замком в дровяном сарае.

Линь Лан задумчиво кивнул. Торговцы из рода Лю в последние годы держали в кулаке половину соляных промыслов Цзяннаня. С Господином Линем они давно были на ножах, но прежде не смели действовать открыто, не имея покровителей при дворе. Раз уж теперь они решились на столь дерзкое покушение, за их спинами наверняка маячила какая-то могущественная фигура.

Линь Лан понимал, что долгие беседы с управляющим могут вызвать подозрения — раз уж в доме завёлся один шпион, где гарантия, что нет других? Отпустив Линь Цзюэ, он недолго посидел в тишине кабинета, а затем, напустив на себя самый скорбный вид, снова направился к отцу.

Линь Жухай всё так же полулежал среди подушек. Увидев вошедшего сына, он насмешливо прищурился:

— Опять пришёл? А уроки, что я тебе задавал, выучил?

Линь Лан лениво помахивал веером, удерживая на лице страдальческую мину:

— Помилуйте, отец! Вы же при смерти, откуда у любящего сына возьмутся мысли о науках?

Линь Жухай поморщился.

— Твоё лукавство не освобождает тебя от учёбы. Не забывай, на твоих плечах лежит будущее всего нашего рода!

Юноша присел на край постели и запричитал плаксивым голосом:

— Ах, батюшка, уж лучше вы сами тяните эту лямку. Ваш сын ещё так глуп и юн, ему никак нельзя оставаться без отцовского присмотра...

— Говори нормально, не то шкуру спущу, — беззлобно пригрозил Линь Жухай. — Думаешь, не посмею?

Линь Лан с небрежным стуком сложил веер и отложил его на столик.

— Отчего же, охотно верю. Ваше слово всегда было крепко. Но не пора ли вам, батюшка, пролить свет на эту запутанную историю?

Линь Жухай погладил усы и отмахнулся:

— Мал ты ещё такие думы думать. Ступай себе с миром.

— Я уже давно вырос, отец, так что оставьте эти сказки для детей, — мягко, но настойчиво возразил Линь Лан, не отводя взгляда.

Заметив, что за время разлуки сын действительно возмужал и утратил былую легкомысленность, Господин Линь решил, что пришло время открыть карты.

Как выяснилось, решение отправить сына в столицу было продиктовано не только заботой о Дайюй, жившей в чужом доме. Прежде всего Линь Жухай пытался уберечь самого Лан-эра. С тех пор как юношу похитили, едва минуло полгода. Тогда, спасая единственного наследника, инспектор Линь перевернул вверх дном весь Цзяннань.

Лишь тогда чиновники Цзяннаня поняли, какую роковую ошибку совершили, принимая мягкого и любезного господина Линя за беззащитного добряка. В ярости он действовал безжалостно: в одной руке держал неопровержимые улики, в другой — карающий клинок. Каждый удар бил точно в цель. Любой чинуша, заподозренный в пособничестве похитителям, в одночасье лишался чина, имущества и отправлялся в ссылку. Но если с чиновниками он ещё соблюдал видимость закона, то соляным магнатам пощады не было вовсе. Вчерашние богачи лишились всего, а их семьи закончили свои дни на плахе. Линь Жухай не оставил без возмездия никого.

Похитители дрогнули. На третий день после начала этой кровавой чистки полуживого Линь Лана тайно вернули отцу. Заговорщики надеялись, что, помучив заложника и вернув его живым, они умилостивят разгневанного родителя. Они жестоко просчитались.

«Если они хотели мира, им не следовало прикасаться к моему сыну»

Единственный наследник великого рода Линь был его уязвимым местом и его главной гордостью. Простить такое посягательство он не мог.

Впрочем, будучи умудрённым опытом сановником, Линь Жухай понимал, что не может бесконечно казнить людей без прямого указа сверху. Ему пришлось умирить пыл: он упрятал за решётку лишь непосредственных исполнителей похищения, а остальных временно оставил в покое. Но соляные тузы, напуганные его небывалым могуществом и решимостью, затаили смертельную обиду. Никто не знал, какие ещё тайны ведомы Господину Линю и чьи головы полетят следующими. Жить в постоянном страхе перед неминуемой плахой они не желали и решили нанести упреждающий удар.

Семейство Лю вошло в сговор с двумя другими крупными соляными кланами, замыслив избавить Цзяннань от неуютного чиновника. Однако род Линь укоренился в Гусу на протяжении пяти поколений, и любые враждебные шевеления в городе тотчас докладывались

главе семьи. Заранее узнав о заговоре, Линь Жухай первым же делом отослал детей подальше от опасности, в столицу.

Пока в Гусу сгущались тучи, на юг тайно прибыл одиннадцатый принц Ту Вэй. Официально — дабы предаться праздности и столичным увеселениям, на деле же — ведя тайное следствие по прямому указу Императора. Чтобы не спугнуть дичь, принц с ходу окунулся в сомнительные удовольствия на берегах реки Циньхуай, сутками напролёт не вылезая из весёлых кварталов и делая вид, будто государственные дела его нимало не заботят. Втайне же они с Линь Жухаем готовили ловушку, способную сокрушить весь преступный синдикат Юга.

Заговорщики, однако, тоже были не лыком шиты. Появление столь высокопоставленной особы в разгар смуты показалось им подозрительным. Напасть на особу императорской крови они не отважились, но вот избавиться от его главного союзника — Господина Линя — сочли делом первой необходимости.

Несмотря на всю осторожность, Линь Жухай не уберёгся от яда. Его спасло лишь чудо: буддийский монах, некогда вызволивший Линь Лана из рук похитителей, оставил юноше три чудодейственные пилюли, способные одолеть любой яд. Уезжая в столицу, Линь Лан тайно оставил это лекарство отцу. Лишь благодаря древнему снадобью инспектор не испустил дух на месте, дав лекарю, присланному одиннадцатым принцем, время для долгого и трудного лечения.

Вся эта борьба разворачивалась в глубокой тайне. О том, что Линь Жухай выкарабкался, знали лишь сам одиннадцатый принц Ту Вэй, доверенный лекарь и преданный управляющий Линь Цзюэ. Чтобы заставить врагов поверить в свою скорую кончину и вынудить их раскрыть карты, инспектор и отправил в столицу весть о своей смертельной болезни, заставив детей спешно вернуться в родное гнездо.

<http://bllate.org/book/18219/1758592>